

Не дано предугадать

“В Германии мне почему-то чаще, чем у нас, попадались люди, действительно работающие на Россию”

росло из милосердного порыва той безвестной бабуся. Бедствующие семьи, больницы, детские дома, из года в год получающая посылки, собранные Фридрихом фон Ротсманом, понятия не имели, кто был тому первопричиной. Старое добро не затерялось, дождалось своего часа.

В отношениях немцев и русских есть нечто иррациональное, это отношения притяжения и отталкивания. Мне всегда интересны немцы, которые нас любят. За что? После всего того, что было, откуда появляются люди, бескорыстно помогающие России?

НОРБЕРТУ Шеферу было 12 лет, когда немецкие солдаты стали возвращаться из русского плена. Он слушал их рассказы. В рассказах не было ни злобы, ни обиды. Ужасная система, повторяли они, но народ прекрасный. Главное, что добрый. Ему навсегда запомнились эти признания пленных, казалось бы, столько перетерпевших.

Детство оставляет наиболее прочные чувства.

— Я хочу, чтобы мои дети переняли мое дружеское отношение к русским, — сказал мне Шефер.

Но это был не ответ. Мы знакомы с Шефером давно, он крупный правительственный чиновник, отлично информированный, лучше меня он знает наши глупости, промахи, бездарность наших реформистов, размах российского жульничества и казнокрадства. Всякий раз, встречаясь с ним, я боюсь его разочарования, скепсиса, вместо этого я нахожу прилив новой веры и надежд на русских. Откуда он черпает их, я и сам бы хотел приложиться к этому источнику.

После воссоединения Германии правительство поручило Шеферу установить контакты с Западной группой войск. Он отдался этой работе с пылом, не свойственным самому добросовестному чиновнику.

Первое, на что он натолкнулся, было ледяное недоверие наших политработников. Это не смутило его. Контакты военных с немецким населением и во времена ГДР не поощрялись. Солдат в город не отпускали. А с момента воссоединения Германии — тем более. Когда ГДР не стало, гарнизоны ощутили себя в капиталистическом окружении, словно во вражеском тылу. Политруки вновь развернули старые знамена непримиримой советской

идеологии. Призывы к бдительности, напоминания о вражеских происках обижали, но не остудили горячности Шефера. Ему удалось договориться с командованием и создать при Западной группе войск пресс-центр. Разумно решили начать с информации. Пусть русские военные узнают как можно больше о Германии. О Западной Германии. Организовал поездки офицеров в Бонн, чтобы они увидели, чем занимаются бундестаг, депутаты, как работает бургомистр, шеф полиции. Русским офицерам немецкие учреждения были в новинку. Офицеры расспрашивали, не высказывались, скрывали свои эмоции. Удивительной была не их настороженность, а то, как быстро они преодолели свою опасливость, многолетнюю идеологическую обработку, убежденность в антагонизм-ческих противоречиях с капитализмом. Еще труднее было переступить психологический рубеж, когда их стали знакомить с американскими офицерами.

Группа Шефера безостановочно разворачивала свою программу. В Потсдаме, в Дрездене устроили день открытых дверей, пригласили в воинские части местных жителей. Впервые за сорок лет распахнулись для всех желающих железные ворота с красными звездами.

Офицерский состав в каждой стране наиболее консервативная часть общества. Так оно и должно быть. Консервативность обеспечивает устойчивость. Но в этом случае было интересно, как в людях быстро побеждал здравый смысл, торжествовала естественность человеческих отношений. Офицеры ездили по городам ФРГ в Мюнхен, Нюрнберг, Гессен, ходили по улицам в военной форме, прохожие останавливались, не веря своим глазам. Один журналист сказал: “Невероятно, Норберт Шефер во главе Красной армии входит в Бонн!”

Шефер признался мне, что он сам побаивался, как это будет воспринято горожанами. Слишком много предрассудков накопилось с обеих сторон. Однако народ и в этот раз оказался разумнее своих начальников.

УТЕКЛИ в прошлое недавние страхи, собственные сомнения кажутся глупыми. “Неужели так и было?” — удивляются себе подполковник Леонид Лось и его товарищи.

Мы сидели в пивной в Потсдаме, и они припоминали подробности своих чувств, которые уносило время.

— Мы не мечтали увидеть Запад так просто, не в оптическом прицеле.

— Наша профессия это исключала.

— Тут вдруг одна за другой поездки. Увидели западнонемецкие города. Могли свободно ходить, поодиночке.

— Мы словно осваивали новую планету.

— Можно было разговаривать, знакомиться.

Их с женами пригласили в Гессен, в семью, пожить некоторое время. Не знаю, что там происходило, но новые знакомые провожали их в аэропорт и прощались со слезами на глазах.

Не без юмора они вспоминают, какой психологический стресс возник после внезапного воссоединения Германии: они почувствовали себя в западне. Первая реакция была закрыться на все замки, привести себя чуть ли не в боевую готовность.

Сменилось командование, Норберт Шефер сумел договориться, повез офицеров в Баварию на авиационные заводы, моторостроительные производства. Заодно и на мелкие предприятия, те самые, по которым он когда-то возил и меня: сыроварни, мясницкие, колбасные, цветочные. Он показывал преимущества малых производств, избавлял их от советского комплекса гигантомании.

Не все шло гладко. Время от времени Шефер наталкивался на отказ. Он предлагал давать нашим солдатам специальность ремесленников. Послать их поработать у кондитеров, плотников, обойщиков, в маленьких мастерских, которых в Германии тысячи и тысячи. Не разрешили. Иногда он выслушивал оскорбительные подзвонки, а то и требования. Наши генералы не привыкли к критическим замечаниям газетчиков в свой адрес, а Шефер возглавил пресс-службу бундестага.

Тем не менее за эти годы обе стороны выдержали искушение, не захлопнули двери. Огромный бурлящий, вспыхивающий Шефер смирял себя, откуда-то черпал терпение, доводы, уступал и не отступался. Были организованы семинары по экологии, истории, страноведению, по подготовке менеджеров. Тысячи наших военных, покидая Германию, увозят нечто, кроме оружия и боеприпасов.

Чем ближе Шефер узнавал русских офицеров, тем испытывал к ним больше уважения. В сравнении с американскими, английскими, французскими офицерами русские куда беднее, хуже обеспечены, хуже питаются, но зато: “С ним легче об-

щаться, чем с американским, он образованней, с душой, с живым интересом”.

Он далек от умиления:

— Ваши плохо обращаются с подчиненными. Не хватает участия. Слишком холодно внутри иерархии.

За эти годы и Шефер обрел признательность русских офицеров. Они перебивали у него дома, невольно сравнивали скромность его жилья и всего стиля жизни со стилем жизни своих генералов. Его простое поведение разрушало стереотип советских правительственных бонз, величия российского генералитета.

Дмитрий Тимашков, Вадим Маркушин, Лось, Рязанов — у каждого накопилось свое отношение к Германии, свои проблемы, связанные с возвращением. Общее у них — чувство благодарности к группе Шефера. На этом все сходится. Он добился своего — у них останется воспоминание о том, что в Германии были люди, внимательные к ним, занимались ими: не так это мало — встретить человека, который просто так старается что-то сделать для тебя.

Не просто так, он не альтруист, в его усилиях живет сверхзадача, цель, которую он не скрывает. Для него Россия — главный партнер Германии. От их союза, считает он, зависит будущее Европы. Страны Восточной и Западной Европы только вместе смогут устоять перед вызовом американским или вызовом Востока. В этом он видит смысл своей деятельности.

В Германии мне почему-то чаще, чем у нас, попадались люди, занятые помощью России. Не может того быть, чтобы чужие заботились о нас больше, чем мы о себе, но мысль об этом нет-нет да щемит. Снова и снова оглядываюсь — и вижу уставших, разочарованных соотечественников, либо озобоченных наживой, либо новых русских, которые растаскивают страну, обворовывают свой народ. Цинизм, стяжательство поднялись до высших правителей. Дальше некуда. Не мудрено, что гражданское чувство россиянина сводится главным образом к бесплодному страданию за Россию.

Почет и успех вкушают проходимцы, и это в обществе, где недавно чтити ученых, художников, умелых специалистов.

СО СТРАННЫМ чувством радости и печали приглядывался я к немцам, которые действительно работали на Россию. Похоже, они находили то, чего нам не хватало, — идею, удовлетворение от своей бескорыстной отдачи.

Кнут Флекенштейн принадлежит к третьему по сравнению с Ротсманом и Шефером поколению. Он молод, красив, не лишен честолюбия, он один из энергичных новых деятелей социал-демократической партии. Кроме того, он служит в какой-то транспортной компании, а сверх всего он занят в своем Гамбурге работой в Обществе самаритян. Он взял на себя курирование отделения этого общества в Петербурге и Москве.

Прежние счёты военных поколений не

коснулись его, он ничем не обязан русским: от природы ему дано то самое сочувствие: “Но нам сочувствие дается, как нам дается благодать”.

Я побывал в петербургском отделении самаритян. Им удалось с помощью Флекенштейна организовать несколько мастерских: пошивочные, изготовления игрушек. Пункт по приему и распределению, доставке посылок из Германии. Надо было затратить уйму сил, чтобы разъяснить нашим чиновникам, кто это такие — самаритяне, что никакой опасности от них не будет, а будет помощь бедным и больным людям. Следовало добыть помещение, привезти оборудование для мастерских, уговорить российские власти. Одолея эти препятствия, появились следующие. Работа не ладилась, сетовал Флекенштейн. И долго еще при наших порядках не заладится, хотелось сказать ему, чего ты на себя взвалил эту хворобу, иди гуляй, пользуйся свободными часами, пока молод, здоров...

Пока что огорчений у него выходило больше, чем удач, будущее не сулило скорой награды. Что же поддерживает? По некоторым его замечаниям мне показалось, что неприятности и новые страдания входили в его духовную жизнь, она ведь состоит не только из результатов.

Духовность, о которой ныне так много пекутся, чаще всего остается расхожим понятием, общим местом без конкретного наполнения. Бездуховность, та более очевидна. Сочувствие бедствующему человеку, сочувствие человеку, плененному хищниками страха, лжи и ненависти, придает моим немецким знакомым высокий смысл жизни.

Сочувствие помогает устоять перед отчаянием бесцельности, чудовищной абсурдности земного существования. Сочувствие как помощь другим и как самореализация. Но не просто сочувствие, такое не многого требует, а сочувствие как поступок и поступок как добровольное участие во всемирном деле милосердия жизни. Или освящения жизни.

Фридрих фон Ротсман, Норберт Шефер, Кнут Флекенштейн — они из трех разных поколений: военного, послевоенного и нынешнего поколения немцев. Они представляют для меня новую, соединенную Германию. Какую-то часть еще не завершенного ее лика.

Недавно, будучи в одной из немецких гимназий, я в разговоре со школьниками узнал от них, что во второй мировой войне союзники вместе с немцами воевали против русских. Для этих четырнадцатилетних ребят та война — древность, но не случайно именно так сместилась история в их головах. Есть немцы, которые считают нас “бывшими победителями”, есть и такие, кто мечтает навести в России гитлеровский порядок. Но мне хотелось написать о немцах — людях добра. Тех, которых и у нас нехватка. За ними — будущее. Который раз убеждаешься, что добро не пропадает. Зло можно простить, забыть, от оказанного добра, сердечности некуда деться. Рано или поздно они настигают нас.